

Самый страшный след

Автор:

Валерий Шарапов

Самый страшный след

Валерий Георгиевич Шарапов

Лето 1945 года. На северной окраине Москвы убит отец Илларион, священник местного прихода. По всем признакам это дело рук цыган, охотящихся за церковными ценностями. Сыщики МУРа Иван Старцев и Александр Васильков готовы принять эту версию, но есть одно «но»: в руке убитого священника обнаружена пуговица от старого мундира финского офицера. У цыган такой одежды нет. Подсказка приходит неожиданно – в местную больницу обратился человек, одетый в похожий китель... Оперативники берут след и вскоре выясняют, что убийство отца Иллариона – не случайность, а спланированная месть, следы которой тянутся аж с начала войны...

Валерий Георгиевич Шарапов

Самый страшный след

© Шарапов В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава первая

Смоленск

Сентябрь 1941 года

«...Руководству города Смоленск и его районов приступить к эвакуации. Кроме гражданского населения, раненых военнослужащих и особенно детей, чьи родители ушли на фронт, позаботьтесь о вывозе партийных архивов и государственных ценностей. Организуйте эвакуацию так, чтобы не спровоцировать панику и сохранить порядок...»

В третий раз ознакомившись с телефонограммой за подписью Сталина, Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко подошел к распахнутому окну и резким движением расстегнул тесный воротничок рубахи.

Сентябрь сорок первого года выдался жарким. Окна душного кабинета выходили на мощный перекресток двух центральных городских улиц. Под ослепительным солнцем блестели трамвайные рельсы, однако последний трамвай простучал по их стыкам давненько – Пантелеймон уже позабыл, когда на совещании в горкоме он проголосовал за прекращение работы общественного транспорта. Транспорт и вправду стал бесполезен. Зачем нужны трамваи, если рельсовые пути постоянно страдают от бомбежек? Если в городе не осталось работающих промышленных предприятий и людям некуда было спешить по утрам?

Немецкие войска стремительно приближались к пригороду Смоленска. Наиболее дееспособные соединения и части Красной армии пытались их задержать, остатки других – разбитых и измотанных – тянулись через город к восточной окраине.

Первые налеты немецкой авиации случились на третий день войны. Первой по-настоящему массовой бомбардировке город подвергся в ночь с 28 на 29 июня. На городские кварталы было сброшено около двух тысяч зажигательных и более сотни крупных фугасных бомб. В результате был разрушен центр Смоленска, сгорело свыше шестисот жилых домов. Заброшенные накануне немецкие диверсионные группы с окрестных высот корректировали работу бомбардировщиков, благодаря чему налет имел высокую эффективность. Практически весь город был объят пламенем, выгорело несколько центральных улиц. После этого бомбардировки стали систематическими.

Вспомнив те нелегкие времена, Пономаренко вздохнул, поморщился. Выглядел он крайне уставшим и разбитым. Последние сутки ему пришлось контролировать окончание эвакуационных работ завода № 35 НКАП СССР. Секретный и очень нужный авиационный завод перебрасывали в город Куйбышев – подальше от линии фронта. Свою семью и большую часть вещей Пантелеймон Кондратьевич отправил в Москву еще раньше. Сам же планировал покинуть Смоленск сегодня. Ему надлежало прибыть в Вязьму, где располагалось руководство тылового обеспечения 16-й армии РККА.

С улицы в кабинет затягивало раскаленный воздух. А вместе с ним залетали звуки, от которых у Пантелеймона холодело в груди. Помимо непрекращавшейся канонады, доносилось урчание моторов и скрип колес проезжавших телег, топот брезентовых солдатских башмаков и причитания женщин, резкие окрики командиров и плач детей. Кто мог, тот спешно покидал город – пешком, на подводах, на автомобилях. Страх и нервозность гражданского населения ощущались уже с июля, когда ожесточенные бои докатились до западной Смоленщины. А уж к сентябрю под нараставшие раскаты канонады люди и вовсе перестали верить в то, что город выстоит.

Пономаренко промокнул платком быстро вспотевшую шею и отметил за окном некую перемену. Основной поток бежавших от неприятеля солдат и мирных жителей иссяк. Колыхаясь на неровностях старой брусчатки, по пустынной улице медленно катила последняя кибитка, верно принадлежавшая цыганскому табору. Вместо лошадей ее тянули и толкали мужчины в разноцветных рубахах.

Зазвонил телефонный аппарат. Пантелеймон нащупал трубку, поднял ее и сиплым голосом ответил:

– Районный комитет ВКП(б), Пономаренко на проводе.

– Пантелеймон Кондратьевич! – послышался в трубке знакомый голос.

Звонил водитель служебного авто Величко – тридцатилетний нерасторопный мужчина родом из Львова.

– Пантелеймон Кондратьевич, вы меня слышите?!

– Да слышу я тебя! Остынь, – поморщился тот от сильного треска. – Ты где запропастился?

– В гараже! Вы же сами приказали! Сколько брать бензина?

– Заправляй полный бак. И прихвати несколько дополнительных канистр. Мы должны доехать до Вязьмы. Понял меня?

– Так точно. Чего ж не понять?..

– Ты к себе домой заехал?

– Нет. Сейчас заправлюсь и заеду.

– Поторопись. Я жду...

Пономаренко повесил трубку, сгреб со стола пачку папирос. Потрясая спичечным коробком, он вдруг втянул голову в плечи и машинально присел – в небе послышался нараставший противный свист, знакомый еще с финской войны.

Он не ошибся: в квартале от здания райкома разорвался артиллерийский снаряд. Дружно хлопая крыльями, в небо тотчас взлетели сотни городских птиц.

– Пора ехать. Опять этот увалень задерживается! Вечно он все делает в последний момент!.. – проворчал Пантелеймон, не попадая спичкой по коробку.

Кое-как прикурив, он выпустил в открытое окно клуб дыма.

На улице стало непривычно тихо: ни автомобилей, ни подвод, ни солдат, ни женщин с детьми и баулами. И даже канонада, почти дошедшая до западной окраины Смоленска, почему-то ум олка.

От гнетущей и пугающей тишины стало не по себе. Толкнув створку окна, Пономаренко хотел вернуться к столу, но задержался, уловив сквозь листву слабое движение.

Приглядевшись, он заметил неуклюже бежавшего по мощеной дороге священнослужителя. Ноги его путались в длинной рясе, темный головной убор норовил слететь с седой головы.

«Поп, что ли? А он-то куда торопится? – подивился про себя Пантелеймон. – Видать, тоже решил бросить паству и смыться подальше на восток. Знать, не один я такой. Все о своей шкуре в первую очередь думают...»

Москва

Август 1945 года

– Опять эти цыгане! – ворчал майор милиции, подшивая в папку только что составленные документы. – Ну что за люди, ей-богу! Спасу от них нет. Всю войну драпали от нацистов; тише воды ниже травы были. А теперь опять за свое...

Бухнула деревянная дверь. В проем ввалился запыхавшийся оперуполномоченный Ивлев, только что вернувшийся из села Челобитьево.

Старший следователь Мытищинского УВД закрыл картонную папку и вопросительно глянул на капитана.

– Прибыл, товарищ майор.

– Ну и?

Ивлев снял фуражку, тяжело опустился на стул.

– Провел повторный осмотр места преступления. Все перерыл. Ничего. Разве что вот это...

Он выудил из брючного кармана аккуратно сложенный платок, развернул его, извлек из складок какой-то предмет и положил его на стол. А пустым платком принялся промокать вспотевшие лоб и шею.

Подавшись вперед, следователь внимательно осмотрел со всех сторон темно-зеленую металлическую пуговицу.

- От финского мундира МЗ6, - заключил он.

- А я подумал: немецкая.

- Нет, от мундира финского пограничника или егеря. Повидал я такие в тридцать девятом. Добротная формяжка из тонкого сукна мышинового цвета, зеленые пуговицы с благородным отливом, у пограничников - эмблемы в виде головы медведя с мечом, а в петлицах розочки вместо наших кубарей.

- Розочки? - подивился относительно молодой капитан.

- Именно. И где же ты нашел эту пуговицу?

- В кулаке убитого была. Еле разжал одревеневшие пальцы.

Майор напомнил:

- Там было двое убитых. Давай поточнее.

- У Якова Чернова.

- У цыгана, значит. Но ведь на священнике была простая рубаха, а не финский мундир?

- Так.

- Значит, цыган оторвал ее у кого-то другого?

- Выходит, так, - согласился оперуполномоченный. И добавил: - Я тоже не могу понять, откуда она взялась и что произошло в доме священника.

- А мы должны понять, Ивлев. Обязаны! - Старший следователь поднялся со стула и прошелся по небольшому кабинету. - Этим странным убийством знаешь

кто заинтересовался?

– Кто? – почти шепотом спросил капитан.

Майор не ответил. Он лишь многозначительно поглядел в потолок, и этого оказалось достаточно.

Офицеры закурили. Старший следователь застыл в задумчивости у окна, его подчиненный покусывал губы и сосредоточенно глядел в пол...

* * *

Поначалу преступление, совершенное в селе Челобитьево Мытищинского района Московской области, не показалось сыщикам чем-то примечательным.

Произошедшее под Москвой представлялось простым и очевидным следствием людской алчности. Во время войны и сразу после нее таких преступлений случалось множество.

Семидесятилетний настоятель местной церкви отец Илларион потратил около двух лет, собирая пожертвования для возведения нового здания церкви взамен старого, наполовину разрушенного. Стены, возведенные из красного обожженного кирпича три столетия назад, честно отслужили свой срок и ныне просели, пошли трещинами, местами обвалились. Сумма на новую церковь накопилась значительная, однако для начала строительства ее не хватало, и сбор продолжался. Вероятно, священник стоптал не одну пару обуви, обходя ближайшие селения и встречаясь со своей паствой. Причащал, крестил, отпускал грехи и просто беседовал, поддерживая в трудные часы.

Меж тем в начале сорок пятого года близ железнодорожной станции Мытищи расположился цыганский табор численностью до полутора сотен душ. Во время войны, спасаясь от нацистов, цыгане мыкались от смоленских лесов до черных муромских болот. Теперь же осели в мирном Подмосковье. Женщины из табора по традиции «оккупировали» местные рынки, где с выгодой выменивали вещи. Мужчины занимались ремеслами: одни шили сапоги, другие чинили конскую упряжь, третьи выжигали алебастр и доставляли его на местные стройки. Дети младшего возраста были предоставлены сами себе, подростки занимались лошадьми.

Расстояние от Мытищ до Челобитьева было небольшим – менее пяти верст, да и слухами земля русская всегда полнилась. В общем, согласно милицейской версии, прознали цыгане о церковной казне и задумали обогатиться без излишней натуги. Ближайшей ночью они прибыли в село, вломались в дом отца Иллариона и стали требовать ключи от церквушки, где хранились пожертвования. Старик оказался не робкого десятка и ключи не отдал. Тогда молодчики из табора начали его избивать. Но и тут священник Русской православной церкви сумел за себя постоять.

Окончилось все печально и вместе с тем предсказуемо: отец Илларион пал под натиском нападавших и вскоре скончался от ран и побоев; также истек кровью и погиб от случайного ножевого ранения и один из нападавших – цыган Яков Чернов.

В другой раз это дело у следствия не задержалось бы. Ведь даже найденная в кулаке цыгана пуговица от финского военного мундира главной версии не противоречила. В дом старца ввалились несколько цыган, после пререканий началась борьба, в ходе которой смертельно раненный Чернов, вероятно, оторвал пуговицу от мундира одного из сообщников. Может, теряя силы, пытался устоять на ногах или еще как.

Казалось бы, что еще нужно? Все логично. Все гладко. Оставалось лишь внезапно нагрянуть в табор, произвести обыск и арестовать наиболее подозрительных. Ну а дальше по накатанной стезе: холод и страх одиночных камер, урезанная пайка, изматывающие допросы. Как правило, данная тактика срабатывала без сбоев. Слабые духом ломались сразу. Другие держались неделю-две. Некоторые – особо стойкие – выдерживали до месяца, а затем все равно подписывали любые протоколы.

Но с данной схемой пришлось повременить, потому что в скорейшем расследовании убийства священника было заинтересовано самое высокое начальство. Это означало одно: предстать перед судом должны только те, кто на самом деле повинен в преступлении.

* * *

Яркое солнце почти не проникало в обшитый ценными породами дерева кабинет. Плотные портьеры были сдвинуты, и лучи через оставленные тонкие

щели едва освещали выстланный красными коврами пол. В большом кабинете было тихо. Лишь настенные часы тускло поблескивали маятником и размеренным перестуком отсчитывали минуты.

Хозяин кабинета Лаврентий Павлович Берия очинял сломанный карандаш. Слева от него горела настольная лампа, рядом с ней в письменном приборе торчало не менее десятка новеньких остро отточенных карандашей. Однако нарком с удовольствием предавался любимому занятию. Напротив него на мягком стуле скромно расположился один из секретарей ЦК ВКП(б), отвечавший в том числе за идеологию. На эту должность он заступил недавно, и это ощущалось по робости и его беспокойному, растерянному взгляду.

– Вам, полагаю, интересно, почему я лично занимаюсь этим делом? – Нарком опробовал подушечкой указательного пальца остроту отточенного грифеля.

Секретарь ни словом, ни движением не выказывал данного интереса. Те несколько минут, что он находился в этом кабинете, его терзал единственный вопрос: зачем всемогущий нарком его вызвал? Услышав историю о недавнем убийстве священника на окраине Москвы, секретарь слегка успокоился.

– Да, Лаврентий Павлович. Признаться, я немного озадачен, – произнес он тихим взволнованным голосом. – В Московском уголовном розыске наверняка имеются опытные следователи, которым вы могли бы поручить это дело и не заниматься им лично.

– Конечно, у нас такие есть. И я сегодня же дам им задание. А вас я пригласил вот зачем. – Берия сверкнул стеклами пенсне. – Мы победили в очень тяжелой и продолжительной войне, во время которой не всегда успевали наводить порядок у себя тылу. Всякое здесь случалось. Но на то имелись веские причины: ослабленный состав районных отделов, вызванный отправкой на фронт самых опытных сотрудников; неиссякаемый поток беженцев; неразбериха; другие заботы – голод, раненые. Но сейчас, слава богу, трудные времена закончились, и каждое преступление должно расследоваться максимально тщательно, а каждый преступник должен понести заслуженное наказание. Это во-первых... – Берия говорил медленно, тягуче, словно выдавливая из себя звуки, из которых складывались слова. При этом, не поднимая на собеседника взгляда, он поглаживал пухлыми пальцами карандаш. – Во-вторых, как ни крути, а православная церковь тоже приложила немало сил для нашей общей победы. И мы не должны забывать об этом.

– Да-да, Лаврентий Павлович, – впервые осмелился перебить его секретарь. – Церковь заняла правильную позицию, пробуждая и укрепляя патриотические чувства среди верующих.

– Совершенно верно, – кивнул Берия. – И верующих настраивала на победу, а их в нашей стране все еще много. Очень много. Слышали, наверное, такую поговорку: на войне атеистов не бывает?

– Конечно, Лаврентий Павлович.

– Не на пустом месте появляются такие поговорки. Также не следует забывать и о материальной поддержке, которую церковь оказала государству. Епархии переливали в металл колокола, жертвовали церковную утварь и крупные денежные суммы. А некоторые священники принимали активное участие в партизанском движении. Поэтому, суммируя все вышесказанное, мы обязаны в кратчайшие сроки найти преступников, зверски убивших в Мытищинском районе настоятеля одной из церквей – отца Иллариона. Найти и покарать их по всей строгости нашего закона.

– Полностью с вами согласен, Лаврентий Павлович.

– Это хорошо, что вы согласны, – посмотрел на собеседника Берия. Взгляд его был настолько пронзительным, что собеседник на секунду задержал дыхание.

– Я могу как-то поспособствовать? – робко поинтересовался он.

– Не только можете, но и должны в соответствии с новыми обязанностями. Я потому и пригласил вас, чтобы посоветоваться. Как вы считаете, не следует ли напечатать в двух-трех центральных газетах статьи о происшествии в селе Челобитьево и о том, что партия и правительство взяли расследование под свой личный контроль с тем, чтобы убийцы не ускользнули от правосудия?

– Это хорошая идея. Я готов обдумать ее и дать поручения соответствующим периодическим изданиям.

– Обдумайте и дайте. Только не торопитесь. Нельзя этими статьями спугнуть преступников.

– Я готов, Лаврентий Павлович, представить вам для ознакомления черновики статей через неделю.

– Договорились. Жду вас в следующий вторник.

Кивнув, секретарь ЦК ВКП(б) удалился. А нарком, глянув на циферблат настенных часов, бросил отточенный карандаш на стол и вызвал помощника.

– Комиссара Урусова ко мне, – распорядился он. – Срочно!

– Слушаюсь, товарищ нарком.

Через двадцать пять минут начальник Московского уголовного розыска Александр Михайлович Урусов вошел в кабинет Берии.

* * *

– Вот такая, значит, картина, товарищи, – остановился у своего стола майор Иван Старцев. Постукивая кончиком трости по ножке стула, он добавил: – И вот что я еще скажу. Никогда я не видел комиссара Урусова таким мрачным и озабоченным. Не иначе задачу ему ставили там. – Иван многозначительно кивнул в сторону ближайшего окна, из которого были видны башни Кремля.

– И сколько же нам дали времени, Харитоныч? – мрачно пробасил капитан Егоров.

– Ровно пять дней. В следующий понедельник утром я обязан доложить Урусову результаты.

– Вот это да, – присвистнул капитан Бойко.

Старшие лейтенанты Баранец и Горшеня тоже не выказали восторга. Лишь фронтовой товарищ Старцева майор Васильков распахнул створки окна, уселся на широкий подоконник, закинул в рот папироску и по-деловому предложил:

– Стало быть, надо быстренько изучить дело, побеседовать со следователем из Мытищинского УВД, встретиться с участковым из Челобитьева и начинать работать.

Иван с благодарностью посмотрел на друга:

– Вот это другой разговор. Распределяем обязанности и приступаем...

* * *

Оперативно-следственная группа майора Старцева в Московском уголовном розыске по праву считалась одной из сильнейших. Основной костяк сложился еще в начале войны. Старцев влился в нее в сорок третьем, а всего через год возглавил, заняв должность старшего следователя. Последним пополнением стал майор Васильков, зачисленный в группу стажером после демобилизации в июне сорок пятого года. Группе поручали расследование самых запутанных и, казалось бы, безнадежных преступлений. Офицеры неплохо с этим справлялись.

Случались, правда, у сыщиков Старцева и неудачи, как, например, с одним из скупщиков краденого, обитавшим возле знаменитого Хитрова рынка. За ним долго следили – хотели взять скупщика с поличным. А в самый ответственный момент нагрянувшие с ордером на арест муровцы обнаружили в квартире еще теплый труп с перерезанным горлом. Вместе с убитым скупщиком канули в небытие и все сведения, в которых так нуждались следователи МУРа.

Но куда чаще группа Старцева одерживала в борьбе с матерыми преступниками победы. К примеру, около трех недель назад ей удалось раскрыть «глухое» дело – вооруженный налет на трофейный эшелон, прибывший в Москву из Берлина. В бронированном вагоне трофейная команда перевозила так называемую коллекцию Шлимана, состоящую из нескольких тысяч золотых предметов.

Бандиты и их главарь Казимир Квилецкий хорошо подготовились к налету: переоделись в форму офицеров НКВД, обманым путем проникли в бронированный вагон и завладели ящиком с самыми крупными предметами коллекции. На платформе завязалась перестрелка, но бандиты все-таки ушли, забрав добычу. И вот за пару недель оперативно-следственная группа буквально из ничего соткала полотно доказательной базы, благодаря которой банда

Квилецкого была полностью уничтожена, а утраченная часть золотой коллекции вернулась государству.

Кабинет, в котором трудились опера и следователи Старцева, находился в управлении по адресу: Петровка, 38. Он представлял собой обширное помещение прямоугольной формы с небольшим закутком слева от двери. Его офицеры шутливо называли столовкой, в которую точно по размерам поместился старинный кухонный стол, покрытый клетчатой клеенкой. На столе стояли кружки, баночка с сахаром, керамическая солонка и слегка помятый алюминиевый чайник, а в закрытой картонной коробке хранились пара луковиц и чеснок. Вдоль длинной противоположной стены с тремя высоченными окнами размещались рабочие столы сотрудников. Начальственный стол Старцева стоял на отшибе – аккуратно под портретами Иосифа Сталина и Феликса Дзержинского. Торцевые стены кабинета прятались за рядами деревянных шкафов и стальных сейфов, в которых хранилась объемная картотека на самых выдающихся представителей московского криминального мира.

В этом кабинете с навсегда прокуренным воздухом сыщикам приходилось проводить большую часть своей жизни.

Сам Иван Старцев родился и вырос в рабочем районе на юго-западе столицы. Звезды на небосклоне сложились удачно: добротный пятиэтажный дом, в котором довелось поселиться его семье, за некоторым исключением населяла интеллигенция: преподаватели школ и рабфаков, инженеры, врачи, командиры Красной армии. Правда, ситуации и скандалы в этих благонравных семьях случались исправно, так что черт на здешних именинах отплясывал бы с радостью. Однако со стороны все выглядело чинно.

Затесались среди элиты и те, кого советская власть перевоспитать не смогла, а патронов на них за незначительные проделки расходовать не захотела. Это была парочка алкоголиков с подружкой-воровкой по имени Роза и некий Колобай с восхитительной уголовной рожей. Воспитанные жильцы предпочитали с разудалой компанией не связываться. И только одна бабушка в рюшечках – бывшая учительница французского языка – каким-то непостижимым образом оказывала на них влияние и утихомиривала буйные посиделки. Когда ей надоедали пьяные песни об уркаганах с одесского кичмана, она надевала свой любимый чепчик, завязывала в балетный бант тесемки, спускалась со второго этажа и звонила в дверь, за которой разгорался шабаш. Открывал, как правило, Колобай с решительным настроением порезать любого, кто осмелится сказать что-

то против. Но за дверью оказывалась старушка с тщедушной внешностью «силь ву пле». С театральной драмой она произносила несколько фраз, мешая русские слова с французскими, гордо поворачивалась и уходила по ступеням в небеса. Так, по крайней мере, казалось в дым пьяному Колобаю. Постояв с минуту в оцепенении, он на цыпочках возвращался в квартиру, и гулянка в скором времени прекращалась.

– Вот что значит интеллигентность, образованность и знание иностранных языков, – смеялись соседи Ивана.

Он запомнил это навсегда. Потому, наверное, и ценил образованность и всестороннюю эрудицию своего фронтового друга Александра Василькова.

* * *

– ...Итак, товарищи, в течение первого часа предлагаю ознакомиться с вещдоками и материалами предварительного следствия. Объем там небольшой, поэтому после ознакомления каждый выскажет свои соображения и версии по поводу убийства. – Опираясь на тросточку, Старцев прохаживался мимо своего рабочего стола.

На столешнице лежали тонкая картонная папка с недавно начатым уголовным делом и несколько предметов, называемых вещдоками. По сути, это было все, с чего приходилось начинать сложнейшее расследование.

Иван продолжал:

– Затем поступим следующим образом: в полном составе выезжаем в Мытищинский район, там делимся на три группы. Вася Егоров и Ефим Баранец встречаются с участковым и осматривают место преступления – дом погибшего отца Иллариона. Следаки вы опытные, уверен, ни одна деталь от вашего внимания не ускользнет. Мы с майором Васильковым отправимся к железнодорожной станции и аккуратно понаблюдаем за табором и окрестностями станции.

– А мы? – спросил капитан Бойко.

– У тебя с Горшеней и Кимом будет непростая задача. Вы должны будете прогуляться по селу Челобитьево и по возможности побеседовать с представителями местного населения. Всем все понятно? Вопросы имеются?

План был понятен. Лишь лейтенант Ким, ерзая на скрипучем стуле, уточнил:

– Можно не только погулять, но и в гости к кому-нибудь постучаться.

– О твоём незваном приходе, Константин, назавтра будет судачить все село. Поэтому отставить лишнюю инициативу. Обычная прогулка по окраинам села. Приехали к кому-то в гости, посидели, выпили, пошли подышать воздухом. На улице повстречали случайного прохожего, попросили огонька, разговорились. Заодно, кстати, позыркайте по сторонам – вдруг где мелькнет финский мундирчик! Уяснил, «юнга»?

– Так точно.

– Так-то лучше...

Костя Ким был самым молодым сотрудником в группе – взгляд еще полыхал азартом, словно у революционера. Несмотря на восточную внешность, он был москвичом в четвертом поколении. С первых дней войны юноша осаждал районный военкомат и рвался на фронт. Не пустили. Тогда он записался добровольцем в отряд по тушению пожаров, которые вспыхивали в столице после каждой ночной бомбардировки. Так он и воевал с немецкими «зажигалками», покуда в сорок третьем году не окончил среднюю школу.

Прихватив пахнувший типографской краской аттестат, он опять примчался к военкому в надежде, что его немедленно отправят на передовую. И снова не повезло: призыв семнадцатилетних к тому моменту был прекращен. Обидевшись на весь мир, Костя так хлопнул дверью военкомата, что все четыре винта старого английского замка дружно выскочили наружу.

На крыльце его окликнул мужчина средних лет в офицерской шинели без погон.

– Я не первый раз тебя здесь вижу. Кто таков? – строго спросил он.

Костя растерялся и приготовился к взбучке, но ответил четко и по форме, словно много лет прослужил в армии.

– Константин Ким, выпускник средней школы номер сорок два.

– Так. И что же? Почему околачиваешься в военкомате и хлопаешь дверьми?

– Отец и два старших брата на фронте. Я тоже хочу защищать Родину и второй год пишу рапорты. А военком постоянно отказывает. То говорит, что надо окончить школу. Теперь, когда я принес аттестат, заявляет, что отправит на фронт, когда мне исполнится восемнадцать!

Юношеская искренность и рвение мужчине понравились. Поинтересовавшись оценками в аттестате, здоровьем и отношением к дисциплине, он подобревшим голосом сказал:

– Знаешь, Константин, мне поручено сформировать экспериментальный отряд курсантов для обучения в Центральной школе милиции. Не фронт, конечно, но служба – не менее ответственная. Нужны крепкие, смысленные, преданные партии и народу молодые люди. Пойдешь?

Ким попросил на раздумье сутки и на следующий день принес начальнику курса Аркадию Дробышеву (так звали мужчину в шинели) рапорт о зачислении в школу милиции. Летом сорок четвертого года Константин успешно сдал выпускные экзамены и, надев милицмейскую форму с погонами младшего лейтенанта, получил направление в Московский уголовный розыск.

Глава вторая

Смоленск

Сентябрь 1941 года

В этот день жители Смоленска впервые увидели в деле немецкие пикирующие бомбардировщики и штурмовики Юнкерс Ю-87 «Штука». Ранее эти самолеты

барражировали над позициями наших войск, защищавших восточные и южные подходы к городу. Теперь же, когда обороняющиеся силы иссякли, штурмовики принялись за мирное население Смоленска.

Хищный внешний вид этого самолета действовал на людей деморализующе. Эффект усиливали «растопыренные», словно орлиные когти, шасси, разрывающий сознание вой сирены при заходе на цель и потрясающая точность бомбометания. Поговаривали, будто опытные пилоты могли попасть бомбой в верхний башенный бронелист советского танка, который не отличался большой толщиной и прочностью.

В жаркий сентябрьский день город покидали последние беженцы, те, кто решил эвакуироваться на восток – подальше от наступавших немецких полчищ. От городского вокзала и товарной станции спешно отъезжали поезда. По дорогам мчались грузовые и легковые автомобили. По обочинам, глотая белесую пыль, шли измотанные солдаты попеременно с гражданским населением.

Самолеты появились внезапно. Вероятно, это был один из тактических приемов, которые немецкие асы отработали по наземным целям в Мазовии, Западной Пруссии, Верхне-Силезском промышленном районе или в Западной Галиции. Чтобы их не было слышно, к Смоленску самолеты подобрались на небольшой высоте. А у самого города взмыли ввысь, готовясь нанести прицельные бомбовые удары.

Среди покидавших город началась паника. А когда первые бомбы разметали в клочья булыжную мостовую и обрушили двухэтажный кирпичный дом на Большой Советской, люди, шедшие к мосту через Днепр, и вовсе бросились в разные стороны.

На северо-восточной окраине – аккурат между лесом и железной дорогой – покидал стоянку цыганский табор. Мужчины спешно готовили кибитки и запрягали лошадей, женщины и дети сворачивали шатры и укладывали пожитки в большие узлы.

Заметив интенсивное движение возле железной дороги, пара «Юнкерсов» отвалила от общего строя, набрала высоту и выполнила свою классическую атаку. Две бомбы разорвались на опушке леса, повалив высокое дерево. Два других взрыва прогремели в людской гуще. И тотчас все кругом перемешалось:

мечущиеся лошади, перевернутые повозки, кричащие женщины и дети...

Одну из кибиток готовил к дальней поездке высокий статный цыган по имени Яков. Молодая жена и двое детей едва успели залезть в повозку, наполненную узлами, как неподалеку грохнули взрывы. Два могучих жеребца вырвали поводья и понесли вдоль железной дороги к городу. Крича и размахивая руками, Яков побежал следом, пытаясь догнать кибитку и остановить лошадей...

В тот же час по западной городской окраине передвигались последние уцелевшие красноармейцы – уставшие, перепачканные, в выцветших и насквозь пропитанных потом гимнастерках, многие в окровавленных бинтах.

Одним из последних шел маленький мужичок с темным от загара и пыли лицом. Он был единственным выжившим солдатом восьмой роты 39-го запасного стрелкового полка. Болтавшаяся на плече трехлинейка то и дело стучала прикладом о его правую ногу; пилотки на голове не было, зато имелась скатка из растерзанной осколками шинели, которая то и дело норовила сползти с плеча. Обеими руками солдат тащил за собой станковый пулемет. Второй номер расчета погиб, из боеприпасов оставался приспособленный к станку последний короб с полной патронной лентой.

Окончательно сбив дыхание, солдат повернул в тень неказистого деревянного сруба. Пристроив пулемет, он тяжело опустился рядом на завалинку, достал кисет с остатками табачка и клочками газетной бумаги. Неторопливо свернул самокрутку, закурил.

Весь вид его говорил о невероятной усталости, о нежелании двигаться дальше: устремленный под ноги пустой взгляд, безвольно висящие кисти натруженных рук, струившиеся по лбу и щекам капли пота.

Досмолив окурок, он вздохнул, посмотрел в небо, тяжело поднялся и, подхватив пулемет, зашагал дальше...

Если бы в эту минуту его сгорбленную фигуру увидел кто-то из горожан, то, покачав головой, определенно прошептал бы: «Не дойдет...»

Тем временем давно гремевшая на западе канонада начала понемногу затихать. Растерзав и прорвав последнюю оборону, в город со стороны Александровского

пруда вошли передовые подразделения вермахта.

Немецкие солдаты шли уверенно, с едкими шутками на устах. Это позже, наткнувшись под Москвой на ожесточенное сопротивление советских войск, немецкое командование кардинально изменит тактику наступления. В соответствии с этими изменениями вначале плацдармы будут обрабатываться артиллерией и авиацией, и только после этого вперед с максимальной осторожностью пойдет пехота. А пока гитлеровцы смело, нисколько не таясь, вышагивали по нашим дорогам.

С такой же наглой самонадеянностью вошли в Смоленск и солдаты 106-й пехотной дивизии 20-го армейского корпуса. Свеженькие, в едва успевших запылиться коротких сапогах. Закатанные рукава серых полевых мундиров, окрашенные в камуфляж каски, карабины «маузер», пулеметные ленты и самодовольные улыбочки на «правильных» арийских лицах. Шли неторопливо, размеренным шагом, поглядывая по сторонам в поисках легкой наживы. Шли до тех пор, пока из заросшего акацией палисадника, что отделял улицу от старого деревянного дома, не застучал пулемет.

Пуля мощного винтовочного патрона, используемого в старом добром «максиме», с небольшой дистанции могла прошить насквозь два-три человека. А дистанция, на которую подпустил фрицев мужичок-пулеметчик, была именно такой – метров сорок-пятьдесят.

В первые же секунды колонна немецких солдат буквально растаяла: кто упал замертво, кто корчился в предсмертных судорогах, кто в паническом приступе ужаса залег в придорожной канаве.

Мужик водил стволом пулемета и разил свинцом вражеские тела, пока не кончилась лента. Все двести пятьдесят патронов одним нажатием на гашетку. Одной длинной очередью.

Когда дымящийся пулемет умолк, он не вскочил и не побежал. Он просто перевернулся на спину и несколько секунд с наслаждением смотрел в бездонное синее небо. И даже не вскрикнул, когда подбежавшие немцы с перекошенными от злобы лицами начали колоть его штыками...

Он нашел свой рубеж и не сдал его. Устав от череды поражений и бесконечного отступления, пулеметчик обосновался в палисаднике и решил стоять до конца. Ведь терпение и ненависть – это субстанции из двух сообщающихся сосудов. Когда в одном заканчивается терпение, ненависть в другом начинает переливаться через край.

Москва

Август 1945 года

Старинное село Челобитьево раскинулось вдоль тракта, соединяющего Москву с окрестными селами Бородино, Ховрино, Беляниново, Погорелки. Ко дворам, расположенным по левую руку от тракта, вплотную подступал густой лес. По правую руку блестели заросшие ковылем поля, прорезаемые тропинками до самых Мытищ.

Изучив скудные материалы только что начатого уголовного дела, а также осмотрев вещдоки в виде ножа, пуговицы, клока волос и окровавленной одежды, оперативно-следственная группа отправилась в эти края на двух служебных автомобилях.

На развилке перед Челобитьевом остановились. Бойко, Горшеня и Ким покинули первый автомобиль и потопали пешком к деревенской околице для начала так называемой прогулки. Остальные поехали по назначенным адресам: Егоров с Баранцом – к участковому и в дом погибшего отца Иллариона, Старцев с Васильковым – поближе к железнодорожной станции Мытищи.

* * *

Александр Васильков с Иваном Старцевым во время войны служили в одной разведывательной роте. Командовал ею Васильков, а Старцев был взводным. Тем не менее разница в должностях не помешала им стать настоящими друзьями. Одному богу известно, сколько раз их жизни висели на волоске и сколько раз они спасали друг друга.

– Цыганский табор расположен прямо у «железки» метрах в четырехстах к северо-востоку от станции, – развернув на ходу подробную карту северного Подмосковья, показал Иван. – Как думаешь, откуда лучше понаблюдать за табором?

Друзья шагали вдоль железнодорожной насыпи. Местность была открытая, и обоим хотелось поскорее ее пересечь, однако из-за хромоты Ивана быстро идти не получалось. Слева в зелени садов утопали скромные домишки местного населения; до станции оставалось метров триста.

Даже не взглянув на карту, Александр проворчал:

– Пока сюда ехали, я ее наизусть выучил.

– И что скажешь?

– Вань, ты чего меня терзаешь, будто сам не знаешь ответа?

– Знаю, конечно. Но для пущей уверенности хотелось бы услышать мнение старого разведчика.

– Лучше понаблюдать за табором из того лесочка, что маячит впереди и слева. Больше тут нигде не спрячешься.

Левее станции, над насыпью и сверкавшими на солнце рельсами, действительно темнели кроны деревьев.

– Согласен. А заброшенные строения с севера?

– Вряд ли. В развалинах наверняка обосновались цыганские подростки.

– Ты прав. Про детей я как-то не подумал... – Старцев спрятал карту. – Вот видишь, какое дельное замечание выдал! Я в МУРе начал забывать некоторые приемы разведки.

Через несколько минут друзья протиснулись меж ветвей кустарника и вошли в прохладную лесную тень. У обоих машинально включились выработанные во

фронтальной разведке навыки: остановившись, они внимательно осмотрели видимое пространство и прислушались.

«Никого», – глянул на товарища Старцев.

«Двигаемся дальше», – жестом предложил тот и первым зашагал к противоположной опушке.

Ощупав концом трости перемешанную с листвою траву, Иван захромал следом...

* * *

Иван был среднего роста, имел худощавую, но при этом статную фигуру с широкими плечами. Лицо скуластое, треугольной формы, с цепким взглядом выразительных карих глаз. Пышный чуб, вечно выбивавшийся из-под офицерской фуражки, ныне стал покороче и местами посеребрился.

Сложное осколочное ранение Старцев получил седьмого июля сорок третьего года. Серпантин человеческой памяти причудлив и сложен, но эту дату друзья запомнили на всю жизнь.

В ту ночь группа из шести разведчиков, перейдя линию фронта, возвращалась в расположение своих войск после выполнения важного задания. Наши дивизии удерживали рубеж обороны в районе города Рыльска и крайне нуждались в разведанных о численности и составе прорывавшейся немецкой группировки. Разведчики добыли нужные сведения, но темной безлунной ночью никак не могли отыскать важный контрольный ориентир – высокую березу, одиноко возвышавшуюся на краю обширного минного поля. Проход в нем подчиненные Василькова проделали накануне: несколько ночей подряд незаметно покидали окопы, преодолевали ползком полторы сотни метров и аккуратно искали установленные фрицами «сюрпризы». К данному спасительному коридору командир и вел своих товарищей.

С первой попытки выйти к ориентиру не получилось: форсировав реку и пройдя берегом, повернули на восток у камышовых зарослей, но оказались в незнакомом месте. Посовещавшись, вернулись к руслу и начали путь сначала. Со второго раза уткнулись точно в толстый ствол березы. Далее оставалось обнять

матушку-землю и проползти по ней метров четыреста. Задача сложности не представляла, если бы время от времени на немецких позициях не вспыхивали мощные прожекторы. Несколько ярких лучей хищно шарили по равнине, и если кому-то из фрицев чудилось в ночи что-то подозрительное, то тишину моментально разрывал дробный стук пулеметных очередей.

Первым по проходу в минном поле полз сержант Курочкин – глазастый и сообразительный парень с Южного Урала. Двигался он медленно, на ощупь отыскивая воткнутые в землю короткие веточки ивы, обозначающие границы безопасного коридора. Курочкин сам их устанавливал, когда группа готовилась к вылазке и производила разминирование. Потому и двигался первым.

Следом за Курочкиным полз Васильков, далее – остальные бойцы небольшой группы. Замыкал движение Старцев. Работа замыкающего всегда требовала тонкого слуха и повышенного внимания. Иван с ней неплохо справлялся.

Когда до края минного поля оставалось не более сотни метров, длинная очередь впилась в землю рядом с нашими бойцами. Один из них приглушенно вскрикнул.

Зацепило Сидоренко – крупного тридцатилетнего одессита. Этот великан зря никогда не кряхтел, поскольку был предельно терпеливым. «Видать, досталось», – поняли товарищи.

Ближе других к нему оказался Старцев. Он и бросился помогать.

Пуля угодила в брюшную полость. Отвратительное ранение – опасное для жизни из-за большой кровопотери и очень болезненное. Держась за подреберье, Сидоренко катался по земле.

Луч прожектора проплыл в опасной близости. Иван навалился на раненого, обхватил его, чтоб тот не шевелился, но обуздать его силищу не вышло. Одессит крутанулся и, задев торчащую из земли веточку ивы, сломал ее.

Иван еще раз попытался затащить Сидоренко обратно в коридор. Не вышло.

Васильков отправил на помощь двух ребят, однако те не успели – в кромешной тьме грохнул взрыв противопехотной мины. После немецкие прожектористы

будто сошли с ума – ярко-желтые лучи минут десять метались по полю; не унимались и пулеметчики.

А Васильков и три его товарища из последних сил тащили раненых сослуживцев в расположение родной дивизии. Через четверть часа они добрались до первой линии окопов, где передали Старцева и Сидоренко в руки санинструкторов...

Потом командир роты Васильков неоднократно пытался выяснить судьбу друга: звонил в медсанбат, обращался к командиру полка. Но в окрестностях Рыльска началась такая заваруха, что начальству стало не до раненых.

Меж тем Иван Старцев с Петром Сидоренко попали в хирургическое отделение эвакогоспиталя города Мичуринска, где несколько недель проходили лечение. Одессит полностью выздоровел и снова отправился на фронт. А вот Ивану не повезло: несколько осколков фашистской мины раздробили кости ноги, и врачам пришлось делать несколько сложнейших операций. В результате ногу спасли, но часть ступни все же ампутировали.

На фронт Иван больше не попал.

Встретились друзья в июле сорок пятого в Москве. Пехотную дивизию, в составе которой Александр дошел до Берлина, расформировали, солдат и офицеров демобилизовали. Александр вернулся в родной город в воинском эшелоне, через неделю отдыха наведаясь в Московское государственное геологическое управление, из которого был призван в армию. Однако управление еще не вернули из Семипалатинска, куда оно было эвакуировано в сорок первом, пришлось устраиваться на один из оборонных заводов на улице Авиамоторной.

Работа за слесарным верстаком ему не нравилась. До войны Александр был геологом, на фронте быстро переквалифицировался в разведчика. А тут приходилось изнывать от однообразия. Изо дня в день одно и то же, одно и то же...

И вот как-то раз, отстояв свою первую смену, Александр по дороге домой забрел в пивной павильон «Пиво-воды». Взял пару кружек пива, встал у стойки. Вокруг тьма народу, шум, дым коромыслом. И вдруг кто-то настойчиво окликнул его по имени.

Он поначалу не поверил своим глазам – перед ним, опираясь на тросточку, стоял Ванька Старцев. Обнялись, вышли на воздух. Присев на лавочку, разговорились...

А спустя несколько часов, уже перед расставанием, Иван вполне серьезно предложил боевому товарищу попробовать себя в уголовном розыске. Так и началась их совместная работа в МУРе.

* * *

В лесу не было ни души. Бывшие разведчики спокойно прошли до северо-восточной опушки и выбрали удобное место для наблюдения. Дистанция от невысоких пограничных кустов до цыганских кибиток и шатров составляла метров двести.

Легкий ветерок почти не ощущался. Из-за палящего солнца над железной дорогой струился разогретый воздух, и даже в лесу на приличном расстоянии от «железки» витал крепкий запах просмоленных шпал.

Людей за насыпью можно было сосчитать по пальцам. Пожилая полная женщина развешивала по веревкам выстиранную одежду. Крепкий бородатый цыган возился с деревянным колесом от кибитки. Между шатрами дымило угасающее кострище, вокруг него бегала и резвилась детвора.

– Где же народ-то? Спит, что ли? – подивился Александр.

Иван процедил:

– Старики точно отдыхают. Перетрудились, мать их в поясницу. А молодежь, видать, на станции орудует...

Александр удивленно посмотрел на товарища. Судя по тому, каким тоном он отозвался о «трудовой деятельности» обитателей шатров и кибиток, особым уважением они у него не пользовались.

Направляясь к лесочку, офицеры проследовали мимо железнодорожной станции и заметили там несколько молодых цыганок, ожидавших появления

пассажирского поезда. Там же бегала ватага цыганских детишек.

Из покрытых пылью темно-зеленых пассажирских вагонов на станции Мытищи обычно выходили тридцать-сорок жителей небольшого городка, ежедневно отправлявшихся в Москву на заработки. Но даже среди этой малости находились те, кто был не прочь узнать свое будущее или судьбу не вернувшихся с войны близких.

Некоторые цыганки носили на запястьях связки разноцветных бус и монисто и за небольшие деньги предлагали эти украшения проходившим мимо женщинам. Проще других поступали облепленные младенцами матери. Раскинув многочисленные юбки, они усаживались в придорожную пыль и клянчили у прохожих «на пропитание деткам». Не оставались без дела и юркие босоногие прохвосты от шести до двенадцати лет. Если кто-то из отъезжавших или прибывших изволил зевать или отвлекаться на разговоры, они тут же оказывались рядом, нацеливаясь на «бесхозные» вещички.

– Ну-ка, проверим одежду. – Подняв предусмотрительно прихваченный бинокль, Старцев принялся рассматривать висящие на веревках тряпки.

– Надеешься увидеть финский мундир без пуговицы? – поинтересовался Александр.

– Не надеюсь, а мечтаю, Саша. К сожалению, пуговицы отсюда не разглядеть, а в остальном... Если мы сегодня заметим его на каком-нибудь цыгане, дело завтра же будет передано в суд.

Да, о такой находке действительно можно было лишь мечтать.

Но, увы, на веревках висели цветастые блузки и юбки, светлые мужские рубахи и темные шаровары, платки и непонятные лоскуты материи...

В общей сложности наблюдение за табором длилось более полутора часов. Сначала Старцев с Васильковым изучали цыганский быт из крайних кустов подлеска. Затем, прячась за высокой насыпью, перебрались на другую позицию, чуть севернее. С нового места открылся вид на небольшой круглый пруд, куда молодые цыганские мужчины и подростки изредка водили поить лошадей.

Наблюдение не дало никаких практических результатов. Ни подозрительных личностей, ни странного поведения, ни шикарных обновок, купленных на добытые преступным путем деньги. И ни одного финского мундира.

– Напрасно потратили время. – Васильков спустился с насыпи и уселся на землю. – Обычные люди. Живут, как привыкли. Не судить же их за это.

– Судить пока не за что. А вот про «обычных людей» это ты зря.

– Не понял. Чем они отличаются о других?

Старцев внезапно вскипел:

– Да они только и смотрят, что плохо лежит! И ни одного лишнего движения на благо страны не сделают! Будь моя воля – всех бы принудительно заставил работать на заводах или в колхозах! По крайней мере, сейчас, когда страна от войны оправляется.

– Что ж, я не против, чтоб они работали. Только одного волевого решения маловато.

– Почему это маловато? – посмотрел на друга Иван.

– У них, брат, ни национальности, ни паспортов, ни жилья. И никакого социального статуса. Кого ты будешь принуждать к работе, если основная масса цыган не является гражданами СССР?

– Насчет паспортов спорить не буду. Но с чего ты взял, что у них нет национальности?

– Потому что не существует такого народа, цыгане. Ты разве не знал?

Старцев пожал плечами и глянул на часы.

– Первый раз слышу. Поясни. У нас еще есть минут десять-пятнадцать.

– «Цыгане» – собирательное название нескольких этнических групп, проживающих в десятках различных стран мира. И дело не только в этом. Никто не может точно сказать, сколько их в каждой стране...

* * *

Перепись цыган в СССР ни разу не давала точной статистической картины. Документов у них не было; ведя кочевой образ жизни, табор за год менял до десяти стоянок. Все это вносило в учет изрядную путаницу. К примеру, перепись 1926 года зафиксировала на территории СССР более шестидесяти тысяч цыган, а следующая перепись, состоявшаяся через одиннадцать лет, выявила их всего две с половиной тысячи.

Революция, Гражданская война и первые годы советской власти стали для всех слоев цыганского общества нелегким испытанием. Больше других досталось зажиточным цыганам: купцам, земле- и домовладельцам. Характер и ментальность не позволяли им вступать в открытую конфронтацию. Жизнь для них всегда оставалась дороже материальных благ, и поэтому даже оседлым цыганам, потерявшим все нажитое, приходилось уезжать с насиженных мест и начинать все с нуля.

«Раскулачивала» советская власть и менее зажиточных: забирала лошадей, кибитки, имущество. Но все потуги оказались напрасными – цыгане не желали становиться на путь социализма и раз за разом возвращались к привычной свободной жизни.

Большевики допустили серьезную ошибку, надеясь на то, что беднейшее цыганское большинство станет их союзником. По своей сути цыгане были аполитичны и не восприимчивы к классовой розни, так как наличие богатых людей всегда помогало им выживать. Ведь мелодичные цыганские романсы и зажигательные танцы всегда неплохо оплачивались денежной ресторанной публикой, и при этом обе стороны были довольны друг другом. Так называемое взаимовыгодное приспособление.

Поэтому в начале тридцатых годов Советская власть начала практиковать массовые облавы и высылку цыган в Сибирь и северные регионы страны. Поутихла эта волна лишь за два-три года до начала Великой Отечественной войны.

* * *

- ...Саня, я всегда гордился дружбой с тобой. Ты начитанный, образованный, культурный... черт, даже не знаю, какой еще... Короче, умный! - выслушав товарища, сказал Иван. - Твой рассказ о цыганах, конечно, интересен. Только видишь ли, в чем дело... Я ведь тоже по духу интернационалист, да только сволочей не перевариваю. А сволочей среди них предостаточно.

- Ты о тяге цыган к воровству и нежелании трудиться на благо общества?

- Так точно. И не учитывать подобные качества этого с позволения сказать «народа» я в своей работе не имею права. Не имею! Ты вот сейчас распекался об их несчастной судьбе: дескать, и национальности такой нет, и притесняли их всячески... Может, оно и так. Да только мне сейчас вспомнился доклад комиссара Урусова в сорок четвертом году.

- Ты мне не рассказывал об этом. Что за доклад?

- Урусова тогда только назначили начальником МУРа. Собрал он весь свободный личный состав в актовом зале и, прежде чем обозначить задачи, мобилизовать, так сказать, поведал историю о Кузьме Песочникове. Слышал о таком?

- Нет.

- Песочников - старый большевик, руководил в 1918 году восстанием рабочих и солдат в Мурманске. Там же несколько лет боролся с контрреволюцией и саботажем. А умер в блокадном Ленинграде от голода. При этом знаешь какую он занимал должность?

- Нет, конечно, - мотнул Васильков головой.

- Он заведовал большим продовольственным складом. Понимаешь, Саша? Под его началом был забитый продуктами склад, а он умер от истощения. Ни крошки не взял! Потому что это общенародное, социалистическое. Вот это я понимаю: гражданин! Человечище! Глыба!

Довод был сильным. Переваривая услышанное, Васильков молчал.

Старцев поднялся с насыпи, отряхнул галифе. И кивнул в сторону табора:

– Так что не надо защищать этих оборванцев. Мне до фени, какая у них национальность и есть ли ей название. До фени цвет кожи, язык, обычаи и какие они поют своим детям песни на ночь. Меня гораздо больше интересует их асоциальный образ жизни и то, что им вменяется серьезное преступление. Вот за эти вещи я с них три шкуры спущу! А станут нормальными, так я с ними за руку здороваться буду.

Александр поднялся вслед за товарищем, оглянулся на шатры и кибитки. В расположении табора ничего не изменилось: та же полная пожилая цыганка с тазиком белья, тот же бородатый мужик с колесом от кибитки и те же дети, веселящиеся возле потухшего костра.

– Пошли, – проговорил Иван. – Пора возвращаться.

* * *

В условленное время муровцы встретились на уже знакомой развилке дорог перед Челобитьевом, от которой разъехались в разные стороны в начале дня. Достав папиросы, прямо на обочине устроили рабочее совещание.

Первым о результатах проделанной работы доложил Егоров:

– Встретились с участковым, вместе с ним проследовали к месту преступления. Участковый – смышленный молодой парень. Младший лейтенант. Повоевать не успел, но дело знает и к обязанностям относится ответственно. В его присутствии проверили печати на двери и оконных ставнях, открыли дом и произвели полный осмотр. В горнице видны следы борьбы: перевернуты стол с лавкой, разбит стакан, валяется алюминиевая посуда. К слову, другой в доме и нет. Внутри вообще все очень скромно, если не сказать бедно.

– Внутри все так, как было в день преступления?

– Да, участковый уверяет, что никто ничего не трогал.

- Ладно, - кивнул Старцев, - это мы еще выясним у следователя из района. Продолжай.

- На полу в горнице свежие пятна крови. Повсюду следы поспешного обыска: выпотрошенный фибровый чемодан, верхняя одежда с вывернутыми карманами, с деревянных полок над столом сброшены книги. Книг, кстати, много - преобладают церковные, но имеется и классическая литература. По докладу участкового, преступники искали ключи от входной двери в церковь и от металлического сейфа, расположенного в небольшом помещении за иконостасом.

- В церкви были?

- Да, в ней тоже побывали.

- Я так понимаю, в доме погибшего священника вы ничего интересного не обнаружили?

- Мы все тщательно осмотрели, прошарили все углы и щели, прощупали одежду - ничего, - развел руками Егоров.

Старцев вздохнул:

- Тогда валяй про церковь.

- Осмотрели ее снаружи и внутри. Стены из старого красного кирпича, кладка толстая, добротная, но с южной стороны пошли вертикальные трещины - стена стала разрушаться. Короче, ничего удивительно, что отец Илларион задумал строить новое здание. Входная дверь - добротная, металлическая, на массивных петлях, с надежным запором. Совладать с такой без ключей, да еще чтобы тихо, не получится, вот преступники и нагрянули домой к священнику.

- Где, ты сказал, находился сейф?

- Значит, так. Внутреннее пространство церкви состоит из трех помещений. Вначале попадаешь в крошечный притвор. За ним начинается просторная средняя часть с иконостасом. По центру иконостаса устроена красиво

расписанная дверь – Царские врата. За дверью – алтарь, совмещенный со служебным помещением.

Старцев поморщился:

– Вася, мы не в семинарии. Давай ближе к делу: сейф находится в алтаре?

– Да, рядом со столом, накрытым шелковой скатертью.

– Вскрыт без взлома?

– Ни одной царапины – открыт ключом. Ключ остался в распахнутой дверце. Денег внутри сейфа следователи из района не обнаружили. На полках в беспорядке лежат несколько старых книг, журнал с записями о смертях и крещениях, расписки, накладные на дрова и уголь. Все помещения осмотрели, ничего ценного для следствия не обнаружили.

– Отпечатки обуви?

– Дождей давно не было, вся грязь на улице высохла, поэтому – никаких следов.

О засушливом августе в Московской области знали все. За последние две недели с неба не упало ни одной капли дождя.

Вздыхнув, Иван задал последний вопрос:

– Что об убитом говорит участковый?

– Характеризует исключительно с положительной стороны. Порядочный, добросердечный, уравновешенный. Всегда чем мог помогал прихожанам.

Бросив в пыль окурок и затушив его каблуком сапога, Старцев повернулся к капитану Бойко:

– Выкладывай, Олесь, что у вас?

* * *

Олесь Бойко походил на доброго молодца из русской народной сказки: рост под два метра, белокожий, рыжеватые кудри, немереная силушка. «Кровь с молоком» – обычно говорили о таких людях.

На левой руке Олесь отсутствовали два пальца – средний и указательный, а вся ладонь и запястье пестрели мелкими шрамами. Его судьба некоторым образом повторяла нелегкий путь Старцева: фронт, ранение, долгое лечение в госпитале, назначение в тыл. Серьезное отличие состояло лишь в том, что Иван начинал службу в пехоте, затем за живой ум и отвагу был переведен в разведку, где быстро получил офицерское звание и стал командиром взвода. Олесь же был призван на службу в тридцать седьмом году в отдельный стрелковый батальон войск НКВД, занимавшийся охраной особо важных промышленных предприятий. Полтора года провел на фронте, покуда не нарвался на ушлую немецкую ловушку.

После прорыва блокады Ленинграда в январе сорок третьего года рота НКВД, которой командовал старший лейтенант Бойко, захватила небольшой населенный пункт Никольское. В селе квартировал немецкий инженерный батальон. После боя Олесь вместе с другими офицерами осматривал брошенную противником технику и избу, где размещался штаб.

Обстановка внутри говорила о том, что гитлеровцы уносили ноги из насиженного места впопыхах и с невероятной скоростью. На вбитых в стену гвоздях висели серые офицерские шинели и фуражки с черными околышами. На столах были разложены карты, стояли чашки с еще теплым кофе. И даже функционировал телефонный аппарат.

Пнув валявшуюся на полу каску, Бойко подхватил со стола автоматический карандаш и приказал собрать карты – их следовало поскорее отправить в вышестоящий штаб.

Пока взводный собирал брошенные бумаги, Олесь с интересом рассматривал редкую вещицу – блестящий металлический карандаш с прорезью и крохотной бусинкой на боку.

Автоматические карандаши немецкого, чешского, британского, реже американского производства среди офицеров Красной армии ценились очень высоко. Легкое движение, и показавшийся из отверстия тонкий грифель готов к работе. Можно разлиновать чистый лист, чтобы написать письмо на родину или составить рапорт начальству. Можно сделать отметки на карте или заполнить наградной лист.

Грифель из отверстия тонкого носика не торчал, и старший лейтенант всячески пытался его выдвинуть. Сначала он поддел ногтем бусинку, но та не двинулась с места. Затем потряс карандаш, слушая, как внутри что-то тихо пощелкивает. После внимание привлек бакелитовый наконечник. Бойко повернул его и... в руке бахнул взрыв!

Мощности заряда миниатюрной мины-ловушки для летального исхода, разумеется, не хватило. Однако на убийство любопытного красноармейца немецкие инженеры-изобретатели и не рассчитывали. Оторвет такому ладонь – и то хорошо. Цель будет достигнута. Ведь безрукого инвалида на фронт больше не отправят.

Олесю повезло. Разорвавшийся в его руке заряд не причинил большого вреда, оторвав лишь половину среднего пальца и частично раздробив указательный. Правда, в госпитале пришлось поваляться около двух месяцев – многочисленные швы на ладони и предплечье гноились и плохо заживали.

После госпиталя молодого старлея вызвали к командиру дивизии НКВД. Тот поздравил с выздоровлением, вручил боевой орден за молниеносный штурм села Никольское и простуженным голосом проинформировал:

– Оставить тебя в дивизии не могу – заключение врачей не позволяет.

– Но у меня же левая рука повреждена, товарищ генерал! – возразил Бойко. И продемонстрировал здоровую правую: – Вот поглядите! Могу стрелять, как и раньше!

Тот оставался неумолим.

– Кадровое управление предложило два варианта дальнейшей службы. На твой выбор: начальником автопарка при Управлении НКВД города Ленинграда или

Московский уголовный розыск.

Олесь хорошо знал нрав комдива. Если тот принимал решение, спорить с ним было бесполезно. Только себе хуже.

- С автопарком понятно. Это как завхоз на рабфаке, - вздохнул он. - А что за работа в МУРе?

- Там есть должность оперативника. Полагаю, твоей пытливой натуре эта работа будет в самый раз.

- Согласен, товарищ генерал. Отправляйте в МУР.

- Ну и славно. Только будь там поосторожнее - не хватай что попало...

Позже, уже работая в уголовном розыске, Олесь узнал о немецких «сюрпризах» практически все. Ведь различными путями эти хитроумные смертоносные вещицы добирались и до нашего тыла. Видел он заминированную упаковку из-под горохового концентрата. Довелось обезвреживать мину в виде тюбика с кремом для бритья, а также красивую блестящую шкатулку-копилку. Однажды начальство показало и вовсе уникальный предмет - коробок спичек. Осторожно изучая его, сыщики думали, будто внутри находится заряд, но вместо него там оказались обычные на первый взгляд спички. Правда, при ближайшем рассмотрении некоторые из них слегка отличались: сразу за серной головкой под тонкой маскировочной бумагой скрывался небольшой заряд, способный лишить зрения того, кто брался прикуривать такими спичками.

* * *

В Москву на Петровку возвращались молча. Коротко обсудив с товарищами добытые сведения, Иван попросил каждого проанализировать их и предложить свою версию убийства отца Иллариона.

По большому счету, ничего нового выезд оперативно-следственной группы майора Старцева в окрестности города Мытищи не дал. Разве что оперативники получили возможность воочию «полюбоваться» на стоянку цыганского табора, на скромный домик погибшего священника да на старую церковь.

Посланные на прогулку по селу Бойко, Горшеня и Ким нарисовали на совещании весьма унылую картинку. Около шестидесяти процентов ушедших на фронт из Челобитьева мужчин обратно не вернулись. Селение и до войны-то считалось небольшим, бедным, а теперь и вовсе усохло: из пятидесяти дворов четверть пустовала, пугая прохожих зарослями лебеды да темными «глазницами» разбитых окон. Из населения преобладали пожилые женщины и глубокие старики. В Челобитьеве работы не было вообще; редкие трудоспособные жители копались в своих огородах, плотничали или по-соседски – за пару мешков картошки – подряжались на ремонт крыш или печей, на рытье колодцев.

Молодухи искали работу в Москве или в ближайших подмосковных городках. Единственная торговая лавка, устроенная на центральной улочке рядом с почтовым отделением, открывалась на час-полтора трижды в неделю. Каждый раз у обитой цинком двери вырастала очередь из местных сельчан, которые моментально раскупали доставляемые грузовиком хлеб, крупу и водку. По большим праздникам скудный ассортимент лавки разбавлялся мороженой рыбой, макаронами и консервами.

Посреди этой беспробудной серости воскресное посещение церкви, где проводил торжественные богослужения уважаемый всеми настоятель церкви отец Илларион, являло собой редкое и благодостное просветление. Голос пожилого священника обладал красотой и силой. Его службы собирали практически все население округи.

Последним этапом совещания в чистом поле стало обсуждение и анализ. Выговорись. Выплеснули все, что накопилось, и поехали в управление...

Трясаясь на кочках Медведковской улицы, муровцы молчали. Каждый думал о своем, но мысли так или иначе возвращались к убийству священника из небольшого села.

Когда автомобиль пересек железнодорожные пути и поехал по Марьиной Роще, сидящий рядом с водителем Старцев набрал полную грудь воздуха и на протяжном выдохе произнес:

– Не-ет, граждане, это определе-енно цыгане. Других вариантов не вижу. Хоть лопни.

Не видели вариантов и Васильков с Егоровым, расположившиеся на потертом дерматином заднего дивана. Всем казалось, будто истина лежит на поверхности: слухи о накопленной в церковной кассе сумме долетели до табора, благо расстояние небольшое – всего шесть верст. Яков Чернов загорелся желанием завладеть деньгами и с подручными вломился в дом священника. На месте возникла потасовка, в результате которой смертельные травмы получили отец Илларион и сам Чернов.

– Тем не менее белые пятна в этой истории остаются, – слабо возразил Васильков. – И самое большое из них – тело погибшего цыгана. Почему подручные не забрали его?

– Испугались, – с завидной уверенностью предположил Егоров.

– Чего?

– Смерти своего подельника. Не рассчитывали на серьезное сопротивление старика, а тут – бац! Получите-распишитесь.

– Или слишком спешили обчистить церковную кассу, – подсказал Старцев.

Александр не унимался:

– Но ведь тело соотечественника – это серьезная улика. И подсказка для следствия. Не будь этой подсказки, нам и зацепиться было бы не за что.

– Это мы с вами понимаем, а они... Ладно, не будем спорить, – примирительно сказал Старцев. – Сейчас прибудем в управление, сходим в столовку, перекусим горяченького и придумаем, как заполучить подтверждение нашей версии про цыган.

Глава третья

Смоленск

Сентябрь 1941 года

На стуле рядом с большим письменным столом дожидался собранный саквояж с документами и самыми необходимыми вещами. Его хозяин вот уже несколько минут не находил себе места – метался по кабинету.

Какого-то смысла в этих перемещениях не было, так как мысли в голове путались, и он никак не мог сообразить, что же делать в этой крайне опасной ситуации. Водитель служебного автомобиля по фамилии Величко отправился в гараж еще утром. Он должен был проверить состояние машины, заправить бензином полный бак, взять пару запасных канистр и необходимый инструмент.

Затем он намеревался завернуть к себе домой за личными вещами и прибыть на пересечение улиц Большой Советской и Социалистической к зданию районного комитета ВКП(б). Перекресток хорошо просматривался из окон кабинета, лишь парочка деревьев закрывала пышными кронами тротуар и уходящую влево улицу. Но сколько за последние полчаса Пономаренко ни выглядывал в открытое окно – ни Величко, ни его, Пономаренко, служебного автомобиля не было.

Перегнувшись через подоконник, Пантелеймон Кондратьевич в очередной раз посмотрел на проезжую часть.

Никого. Возле подъезда по-прежнему стоял грузовик, в кузов которого два работника райкома складывали документы из архива. С краю у откинутого борта уже скопилось десятка два перевязанных бечевкой толстых бумажных стопок.

– Ну, сколько можно ждать?! Где носит этого пройдоху?! – раздраженно проговорил Пантелеймон Кондратьевич, вытряхивая из пачки папиросу.

Чиркнув спичкой и выпустив клуб дыма, он резко отвернулся от окна с распахнутыми створками. В городе стояла зловещая тишина, от которой по спине пробегал неприятный озноб. Еще несколько минут назад в километре от городского центра гремела канонада, а мимо здания райкома тянулась бесконечная вереница солдат и гражданского населения, ехали грузовые автомобили, громыхали колесами запряженные лошадьми телеги. А теперь все звуки прекратились, и от этого Пантелеймону стало не по себе.

Внезапно послышались торопливые шаркающие шаги – кто-то быстро шел по пустому коридору райкома.

Служебного автомобиля внизу не было, значит, Величко по коридору идти не мог. Тогда кто?..

Пантелеймон Кондратьевич повернулся к двери и напрягся; правая ладонь инстинктивно нащупала рукоятку спрятанного в кармане брюк «браунинга».

Человек поравнялся с кабинетом, и тотчас раздался громкий стук в дверь.

Пономаренко сунул руку в карман и нервно выкрикнул:

– Войдите!

Дверь распахнулась, и в кабинет мягкой, но решительной походкой вошел священник в длинной покрытой пылью рясе. Пантелеймон Кондратьевич тотчас узнал его: это был тот поп, что недавно метался по площади. Дыхание его было частым и глубоким. Из-под черной скуфьи выбивались мокрые от пота пряди седых волос.

– Здравствуйте, – торопливо вымолвил он. – Не вы ли отвечаете за эвакуацию в нашем городе?

– Кто вы и что вам нужно? – неприязненно спросил Пономаренко.

– Отец Илларион, настоятель храма Иоанна Богослова. Я вот по какому делу. Вам должно быть известно, что недалеко от нашего храма находится временный военный госпиталь.

– Допустим, известно. И что?

– Так ведь про него забыли! – еще больше взволновался старик.

Взгляд его наткнулся на пустой письменный стол, на стоявший рядом новенький саквояж с пухлыми боками. Он без труда сообразил, что хозяин кабинета тоже намеревается отбыть в восточном направлении. И потому заговорил еще

быстрее:

– Повсюду эвакуация, люди покидают город. Говорят, будто враг у Александровского пруда, а про раненых красноармейцев забыли! Как же так, уважаемый? Как же так?!

Старик появился совершенно некстати. Еще более некстати он начал задавать свои въедливые и несвоевременные вопросы. Несвоевременные потому, что Величко, несмотря на врожденную расхлябанность, приказы начальства все же выполнял. Это означало, что в любую секунду за окном послышится знакомое урчание мотора служебной «эмки».

– У меня нет больше автомобилей для эвакуации, – отрезал Пономаренко.

– Как нет? Под вашим окном у подъезда стоит почти пустой грузовик! Он способен вывезти два десятка раненых солдат!

– Это невозможно. Грузовик отправляется в тыл с важными документами.

– С какими документами?

– С очень важными! – отрывисто повторил партийный функционер. – И вообще... это не вашего ума дело!

– Но позвольте, – голос священника дрогнул. – Неужели какие-то бумаги важнее человеческих жизней?

– Не лезьте куда не следует, святой отец, иначе быстро смените рясу на робу! – прошипел Пантелеймон Кондратьевич, явно намекая на распространенную в стране практику расправ с инакомыслящими. Ткнув папиросой в пепельницу, он одним движением раздавил ее и отвернулся.

Священник понял, что секретарь райкома не желает дальше разговаривать, и тем не менее сдаваться не собирался.

– Умоляю вас, – негромко сказал он. – Возьмите в автомобиль хотя бы десятерых. Я сам с санитарями размещу их в кузове и не потревожу ваших документов. Вы

спасете десять жизней. Слышите: целых десять жизней! Только прикажите водителю завернуть к госпиталю!

В запасе у отца Иллариона оставалась парочка сильных, как ему казалось, доводов. Один из них касался партийной совести, второй намекал на личное знакомство с товарищем Шульгиным из Центрального комитета. Священник ни разу в жизни не воспользовался фактом давней дружбы с членом ЦК, но в данную минуту он был настолько возмущен бездействием и равнодушием Пономаренко, что намеревался сделать и это.

Внезапно на улице послышалась тархтение двигателя. Пантелеймон Кондратьевич встрепенулся и подбежал к окну.

«Эмка»! К подъезду подъезжала его служебная «эмка»!

Подхватив саквояж, секретарь устремился к двери.

Вознамерившись удержать его, отец Илларион поднял руку, но силы были неравны: сорокалетний Пантелеймон с легкостью оттолкнул старика и выскочил в коридор...

Не удержав равновесия, священник упал.

Потом, тяжело поднявшись, он подошел к окну и выглянул на улицу. Рядом с грузовиком стояла темная легковая машина. Выскочивший из нее водитель бросился к подъезду райкома.

Священник окликнул его, но гул летевших высоко в небе самолетов, постепенно нарастая, заглушил все другие звуки. Что происходило в подъезде здания, он не знал. Увидел лишь, как Пономаренко с водителем быстро вернулись к автомобилю. Секретарь пристроил на заднем диване среди других вещей свой саквояж. Сам же по-хозяйски уселся впереди. Хлопнули дверцы. Выпустив клуб дыма, «эмка» плавно набрала скорость и, повернув к восточной окраине, исчезла за ближайшим углом.

Тотчас загудел и грузовик. Вытянув руку, старик слабым голосом крикнул:

– Пойдите! Куда же вы?! У вашей машины почти пустой кузов!..

Но – где там! Сидевший в кабине водитель и работник райкома его не слышали. Вскоре и этот автомобиль исчез за поворотом.

Оторвавшись от широкого подоконника, отец Илларион распрямился, покачал головой и поплелся к распахнутой двери. Проходя мимо письменного стола, он заметил скомканную бумажку. Осторожно развернув ее, он увидел сверху надпись крупными буквами: «Телефограмма».

Обратившись к свету и прищурив подслеповатые глаза, священник прочитал:

«Руководству города Смоленска и его районов приступить к эвакуации. Кроме гражданского населения, раненых военнослужащих и особенно детей, чьи родители ушли на фронт, позаботьтесь о вывозе партийных архивов и государственных ценностей. Организуйте эвакуацию так, чтобы не спровоцировать панику и сохранить порядок. И.В. Сталин».

Внизу под текстом виднелась косая размашистая запись: «Принял в 11 часов 22 минуты. Пантелеймон Пономаренко».

Москва

Август 1945 года

Отсутствие улик, прямо указывающих на цыган, обсуждали везде: и за обедом, и поднимаясь из столовки по лестнице в отдел, и перекуривая возле открытого окна.

Большинство склонялось к радикальному решению проблемы: внезапному визиту в расположение табора и тщательному обыску. Ход расследования контролировался лично наркомом Берией. Благодаря данному факту полномочий у группы имелось с избытком, и соответствующий ордер прокурор выдал бы по первой же просьбе.

Почему обыск? Да просто потому, что других вариантов никто не видел.

– Нет, не годится. Ну ужели вы не понимаете главного? – кипятился Старцев и, обращаясь к сыскарям-ветеранам, вопрошал: – Вася, Олесь, вы уже столько лет работаете в МУРе!

Те недоуменно переглядывались.

– А что такого?

– Это же цыгане! Украденных из церковного сейфа денег мы у них никогда не найдем. Или вы думаете, что преступники прячут их под облучком какой-нибудь кибитки? Не смешите меня!

– А иконы? Думаешь, они так быстро успели их продать?! – столь же рьяно возражал ему Егоров. – Там, по описанию свидетелей, золота – килограмма на полтора!

– Если и попадетсЯ какая из украденных икон, они моментально найдут объяснение!

– Это какое же?

– К примеру, скажут, что купили ее или выменяли у местного алкаша. И попробуй доказать обратное.

– И докажем!

– Докажем, Вася! Обязательно докажем! – кивая, подошел к нему Иван. – А как насчет сроков, поставленных комиссаром? Управимся в оставшиеся четверо суток?

Возражение было серьезным. Егоров и Бойко молчали подобно школярам, не выучившим урок.

– Давайте думать, – вновь нахмурился Старцев. – Мы должны найти выход.

Докурив, народ разошелся по кабинету. Кто-то уселся за рабочий стол, кто-то принялся рассматривать большую карту СССР, висевшую на стене между шкафами.

Все молчали. Первым подал голос Васильков:

– Иван, а ты помнишь события на реке Северский Донец?

– На реке... Северский Донец? Да... вроде... помню, – неуверенно ответил он. Через секунду его осенило: – Ты про тот наш спектакль?

– Ну, конечно! Что, если сработать по той же схеме?

– А это мысль, Саня! Ну-ка, мужики, подгребайте ближе. Сейчас мы вам расскажем одну занимательную историю...

* * *

Стрелковая дивизия, в состав которой входила разведрота Василькова, до переброски под город Рыльск принимала участие в Харьковской наступательной операции. Тяжелое было время. Немец хоть и стал регулярно получать по зубам, все одно пока не тушевался: либо пер вперед, либо упрямо держал позиции, покуда из тыла шли эшелоны со свежим подкреплением и новенькой техникой.

Разведчики обосновались в густом лесу, что темнел квадратом на левом берегу Северского Донца. Через неширокое русло виднелись кварталы Лисичанска, кишящего немецкими солдатами и офицерами 30-го армейского корпуса.

После нескольких суток упорных боев установилось затишье. Изредка над головами пролетали самолеты или постреливала дальнобойная артиллерия. Однако пехота наслаждалась передышкой: отсыпались, мылись в блиндажах, приспособленных под бани, стирали формажку...

Васильков с небольшой группой прошвырнулся по лесистому берегу, произвел кое-какие наблюдения и был готов в составе своей роты выполнить любой приказ начальства. Хоть во вражеский тыл на разведку, хоть за «языком»...

На третий день его и в самом деле вызвал в штабную землянку командир полка. Вот только задачу он поставил необычную.

– Такое дело, Александр Иванович. В первом батальоне из хозяйственного взвода пропал водовоз, – устало сказал подполковник Дробыш. И, почесав затылок, уточнил: – Ну, как пропал... Поехал за водой на бережок напротив болотистого острова и исчез. Напрочь исчез. Лошадь отыскалась: стоит по колена в воде, запряженная в повозку. Наполненная на треть бочка тоже на месте. А служивого нет.

– Может, утоп? – предположил Васильков, не понимая, что, собственно, хочет от него начальство.

– Хорошо, если бы так.

– Не понял, товарищ подполковник. Что ж в этом хорошего?

Тот в ответ лишь вздохнул:

– Чаю хочешь?

– Спасибо, я только что пообедал.

– Понимаешь, из Особого отдела дивизии шибко хотят получить прямой и ясный ответ: утонул солдат или перебежал к фрицам. Полчаса назад я беседовал с полковником-особистом...

Васильков неплохо знал командира полка, так как воевал под его началом более года. Судя по всему, он получил от полковника из Особого отдела взбучку и теперь был расстроен.

«Да уж, – подумал Александр, – с НКВД лучше не связываться. Только попади им на карандаш – замучают вопросами-допросами...»

– Если предположить самое худшее, то немцы ничего с этого «языка» не поимели, – пожал плечами Васильков, пытаюсь поднять дух старшего товарища. – Что может рассказать водовоз из хозяйственного взвода?

– Видишь ли, они харчи получают на весь батальон. А зная объем харчей и норму потребления, любой фашист в момент сделает нужный вывод.

Теперь настала очередь Василькова чесать затылок.

– Мелководье у берега проверили? – спросил он.

– Нет. Опасаюсь посылать туда людей. Вдруг с другого берега работает снайпер?

– Да-а... задачка.

– То-то и оно. Надо как-то выкручиваться, Саша, – сказал Дробыш. – Подумай. Чем черт не шутит – вдруг придет какая умная мысль?

Мысль пришла через несколько минут.

По просьбе разведчика подполковник показал на подробной карте место, где пропал водовоз, угостил папиросами. Вместе они выкурили по одной, и Александр внезапно просиял:

– Придумал!..

Спустя полчаса разведчики уже суетились на небольшой поляне, обустроенной землянками и подобием кухни. Разведка всегда держалась особняком: жили в самостоятельно выкопанных блиндажах, готовили пищу и питались тоже отдельно от основных сил полка и дивизии. Также отдельно снабжались картами, боеприпасами, обмундированием, медикаментами. Это происходило потому, что распорядок у разведчиков был исключительно свой, не согласованный с общим распорядком соединения. Получив приказ, они могли тихо собраться и, не привлекая внимания, уйти за линию фронта. Столь же тихо они возвращались после выполнения заданий.

На этот раз бойцы роты Василькова придирчиво оценивали новый наряд командира взвода Старцева. Перед этим пришлось помучиться, выбирая подходящую по размеру солдатскую формяжку. Желательным условием также было ее затрапезное состояние.

Наконец нашли самую затасканную, выгоревшую, с большими заплатками на правом локте гимнастерки и на заднице галифе. Иван быстро переоделся и крутился перед маленьким зеркалом, прикрепленным к стволу березы.

– Отлично сидит. Но рожа все равно холеная, – оценил Васильков.

– Рожу попрошу не обсуждать! – огрызнулся Иван. – Другой у меня все равно нет.

Вместо ответа командир роты испачкал ладони в пыльной траве и обтер их об лицо Старцева. А сверху на получившееся безобразие нахлобучил помятую бесформенную пилотку.

– Вот теперь красавец! Жалко военкоров с «лейками» поблизости нет. Еще бы не кормить тебя пяток дней, вообще бы шикарно получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/sharapov_valeriy/samyi-strashnyy-sled

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)